

Солнечный очаг

Солнечный очаг

ИЗДАТЕЛЬСТВО "Айастан"
ЕРЕВАН ● 1970

СБ1

С 60

В сборник вошли лучшие стихи советских и
зарубежных поэтов об Армении.

Составитель и редактор
П А Р У Й Р М И Қ А Э Л Я Н .

7—4—2

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ

К АРМЯНАМ

Да, вы поставлены на грани
Двух разных спорящих миров,
И в глубине родных преданий
Вам слышны отзвуки веков.

Все бури, все волненья мира,
Летя, касались вас крылом,—
И гром глухой походов Кира
И Александра бранный гром.

Вы низили, в смятеньи стана,
При Каррах римские значки;
Вы за мечом Юстиниана
Вели на бой свои полки;

Нередко вас клонили бури,
Как вихри—нежный цвет весны:
При Чингиз-хане, Ленгтимуре,
При мрачном торжестве Луны.

Но, воин стойкий, под ударом
Ваш дух не уступал Судьбе;
Два мира вокруг него недаром
Кипели, смешаны в борьбе.

Гранился он, как твердь алмаза,
В себе все отсветы храня:
И краски нежных роз Шираза,
И блеск Гомерова огня.

И уцелел ваш край Наирский
В крушеньях царств, меж мук земли:
Вы за оградой монастырской
Свои святыни сберегли.

Там, откровенья скрыв глубоко,
Таила скорбная мечта
Мысль Запада и мысль Востока,
Агурамазды и Христа,—

И, ключ божественный услады,
Нетленный в переменах лет:
На светлом пламени Эллады
Зажженный—ваших песен свет.

И ныне, в этом мире новом,
В толпе мятущихся племен,
Вы встали—обликом суровым
Для нас таинственных времен.

Но то, что было, вечно живо,
В былом—награда и урок.
Носить вы вправе горделиво
Свой многовековой венок.

А мы, великому наследью
Дивясь, обеты слышим в нем.
Так! Прошрое тяжелой медью
Гудит над каждым новым днем.

И верится, народ Тиграна,
Что, бурю вновь преодолев,
Звездой ты выйдешь из тумана,
Для новых подвигов созрев;

**Что вновь твоя живая лира,
Над камнями истлевших плит,
Два чуждых, два враждебных мира
В напеве высшем соединит!**

1916

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

АРМЕНИЯ

В ладонях гор, расколотых
Стозвучным ломом времени,
Как яблоко из золота,
Красуется Армения.

Клыки войны и пламени
Подрублены вокруг,
Под свежим, мирным знаменем
Проходит полем плуг.

Кляняся Араратом
И Арагацем тучным,
Она признала братом
Работы день насущный.

И Дилижанским лесом,
И медью Зангезура,
И валом Дзорагэса
Владеет день лазурный.

Перед азийской глубиоу
Племен, объятых ленью,
Форпостом трудолюбья
Красуется Армения.

1924

К ДРУЗЬЯМ

1

Тогда уже нехотя солнце лучилось, тепло
Отдав урожаю,—слепящее солнце,

с которым

Армения в дружбе.

Мы вновь миновали село,
Мы ехали быстро; а мимо—ребристые
горы,

Высокие стены, арбы и быки, тополя...

А тополь порою, бросая ветрам-

почтальонам

Багряные письма, нам слал их в машину.

Поля

Летели навстречу; и разлетались вороны...

Сейчас там в долинах созрели плоды,

виноград,

На столе—виноград, и коньяк, и лаваш.
И рука
Поднимается с полною чашей—за дружбу
народов,
За гостей, за хозяев, за командира полка,
За знамена, которые отстоят сыновья
хлопководов.
После тостов сердечных и песне застоль-
ной почет!
Я хорошую слышал—о птичке жестокой
и нежной;
И шофер эту песню, как сам пострадав-
ший, поет—
О перепелочке, о любви безнадежной:
«Я умру, если ты не полюбишь меня...»
А вослед—боевая и громкая песня,
с которой
В ноябре кавалерия мчалась, дашнаков
гоня,
Убегавших, как воры, в турецкие горы...

ВСЕВОЛОД РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

СЪЕЗД СЕЛЬСОВЕТОВ В ГОРНОЙ АРМЕНИИ

Армянский зной—он розов и тяжел—
Рябит в лесу бегущюю корзинкой.
Вьюки качая, замшевый осел
Натер лопатки пищущей машинкой.

Иду верхами. Жора—секретарь,
Два комсомольца, новый председатель
И беспартийный доктор, их приятель.
А под копытами кизил и гарь.

Клуб высоко. Нелегкий перевал,
Но честно служит конь. Вот глиняное
зданье.

Выносят стол. «Товарищи, вниманье!»
И тар* гремит «Интернационал».

* Тар—народный струнный инструмент.

И делегаты, ждавшие с утра
В расплесканной тени сухих акаций,
Поджавши ноги, вокруг стола садятся,
И деловая двинулась жара.

Уже учитель пишет протокол,
Графин с водой разломан солнцем
резко,

И оглашается повестка
Под лепет рек и завыванье пчел.

Идут, скрипят колхозные дела
Арбой надежной, медленно, но споро,
Порою разгораются до спора,
Порой, как конь, мусолят удила,

Но каждый камень на крутом пути
Расштан, поднят цепкими руками,
Чтоб шла легко дорога под возами,
Чтоб общий груз ладнее довести.

Обит слепящей жестью горизонт,
Дымятся горы—добрая погода!

МОЙ АИАСТАН

И куда же меня занесло?
От черемух, плетней и акаций
Перекинуло к солнцу в жерло,
К лиловатым снегам Арагаца!

Не в библейский,—в сегодняшний рай,
В терпкий запах рехана и перца,
В этот рыжий обветренный край,
Где от песен заходится сердце.

В детстве—рожь, курослеп на лугу...
А теперь не прожить мне и часа,
Не подумав о бурной Зангу,
О певучей весне Комитаса.

Я отказываюсь разгадать,
Что в меня эту страсть заронило,—
Очень русской была моя мать,
Небо севера было ей мило,

И сама я любила не зной,
А морозец веселый и прочный.
Что же это случилось со мной,
Что мне в пышности этой восточной?!

Впрочем, я и не вижу ее,
Мне другое в Армении любо—
Околдовано сердце мое
Красотою и горькой и грубой.

Я люблю этих смелых людей,
Может быть, иногда и недобрых;
Терпеливых седых матерей,—
Вот Армении подлинный образ.

Я люблю эту мудрость веков,
Лебединые женские пляски,
Медь горячих тяжелых стихов
И полотен сарьяновских краски.

Не зови же смешным, не зови
Беспокойное это пристрастье.
В этой поздней нелегкой любви
Мне самой непонятное счастье.

ЗВАРТНОЦ

Здесь тишина... О, тишина... Такая,
Какой не знала я до этих пор.
Трава не шелестит—совсем сухая,
Орел на камне крылья распростер.

Здесь пахнет снегом недалеких гор,
И Арарат плывет, не уплывая,
Лимонный тополь, восхищая взор,
Горит свечою тонкой, не сгорая.

Ссутулившись стоит Исаакян,
Как отягченный славой царь армянский.
Торжественней я не видала стран,
Воды не знала слаще ереванской.

Я пью ее, как мира чистоту,
Как птица капли ливня на лету.

РОССИЯ И АРМЕНИЯ

Опять стою у старенькой калитки
на маленьком клочке большой земли.
Сюда, как переходные калики,
меня воспоминанья привели.
Стараюсь в незабываемый сад взглянуться,
пахнуло вдруг вечерней резедой...
Но вы не любите стихов о детстве,
недавний друг мой, слишком молодой.
Черемуховый сад провинциальный
вам в Закавказье вашем ни к чему,
да вообще мой бред сентиментальный,
наверное, не нужен никому.
О детстве долго говорить не буду,
от скрипнувшей калитки отойду,
забуду эту глупую причуду
искать чего-то в снящемся саду.
Но, знаете, ведь и мое пристрастие
к высокогорной вашей стороне
не рождено ль в час грустного ненастья
там, в средневожской русской тишине!
Я так любила небольшие горы
за тихим садом, узенькой рекой,

что Арагаца снежные уборы
мне показались близкой красотой,
колючие травинки на Севане
и голубые блеклые цветы—
пускай у них нерусское название—
напомнили мне родины черты.
Моя любовь к Армении похожа
на вечную любовь к своей земле.
Не разберу, которая дороже,
не гаснет жар в нестынувшей золе.
Равно я добрым жаром сердце грею,
уж такова загадка бытия:
не будь Россия родиной моею,
Армению не полюбила б я!

АЛЕКСАНДР ГИТОВИЧ

ЖИВОПИСЬ

Трудился мастер, руки не опуская,
Не требуя от ближних ничего,
Чтобы собрала эта мастерская
Весь свет, все краски Родины его.

Настанет день — и повлекутся к ней
Те, что бредут за гранью океана, —
И Сароян вернется в дом Сарьяна,
Как блудный сын Армении своей.

ХАЧАТУР АБОВЯН

Обысканы кустарники и скалы,
Бугры и шрамы выжженной земли —
Полиция его не отыскала,
Но мы — потомки — все-таки нашли.

Нашли полуседого человека,
Который, бросив старое жилье,
Ушел из девятнадцатого века,
Чтобы войти в бессмертие свое.

У ПАМЯТНИКА ЧАРЕНЦУ

Теперь гляди, прохожий, хорошенько—
Замедли шаг у каменных оград;
Здесь—лестница, и первая ступенька,
И вот—в проем—восходит Арарат.

И в белом блеске утреннего света,
Где тихо бьется сердце родника,—
Перед загубленной судьбой поэта
Снимает шляпу секретарь ЦК.

Армения! Бессмертен твой народ—
Он не числом прославлен, а умением,

И на него глядят с недоумением:
Что он предвидит? Что изобретет?

В какой еще посмотрит телескоп,
Какое чудо вырастит в долине,
Через какой перемахнет окоп,
Чтоб вместе с нами ликовать в Берлине?!

С балкона—сверху—было видно мне,
Как на дорожке, выметенной чисто,
Стояли иностранные туристы
У памятника Павшим на войне.

А зной плясал по черепице крыш,
И сон пришел незримо и неожиданно,
И снились мне Отвага и Париж,
И улица Мисака Манушяна.

1944—1964

БОРИС СЛУЦКИЙ

ЭТО—АРМЕНИЯ

Словно волна окатывает—
Так и меня окидывает
От пят и до темени
Горящим пламенем
Взгляда.
Это—Армения.

Высшая мера людских дел,
С добром и злом рядом
Видимый невооруженным взглядом
Арагат. Он небо задел
Своими снегами.
Это—Армения.

Скала. Она совсем гола.
Ни землянки на розовом камне.
Но мужик погорбоносей орла
Тянет собственными руками

Лозу из скалы.
Это—Армения.

Я был. Я видел. Я слышал речь.
Ни с чем не схожий клекот, рокот.
Я слышал горных обвалов топот.
И я всегда буду беречь
На дне души
Эту Армению.

1964

ХОЛСТЫ АКОПА КОДЖОЯНА

Сарьян—в хрестоматии нашего глаза.
Он ясен для младшего школьного класса
И прост, словно воздух, которым дышу,
И больше я про него не пишу.

Сарьян—это выигранное сражение.
А слово—искусственное орошение
Пустынь и полупустынь—песков.
Поэтому я приглашу Коджояна:

Восстань из могилы!
Ты умер так рано!
Полотна развесь!
Покажись нам, Акоп!

Пусть медленные заведут разговоры
Тобою нагроможденные горы.

Пускай нам окажут почет и доверье
тобою возвращенные легкие звери,
Пусть птицы твои защебечут над нами,
обсудят, осудят мой каждый изъян
и с нами поделятся птичьими снами.
Какими— ты знаешь,

Акоп Коджоян!

И ежели ныне не встретишь оленя
и лани,
исполненной сладостной лени,
в горах и долинах армянской земли,—
они на холсты Коджояна ушли.

Я, сызмальства,

с Харькова,

с детства

узнавший

армянский рассудок, порядок и чин,
настаиваю,

чтоб на выставках наших
просторные стенки

Акоп получил.

О милый цветок каменистой земли,
роскошествуй! Душу мою весели!

МИХАИЛ МАТУСОВСКИЙ

АВГУСТ

Багровели холмы, солнце жарило рьяно,
Поднимался туман из лиловых низин.
Разгадал я секрет живописца Сарьяна
На дороге, несущейся в Эчмиадзин.

Я узнал, как осенние ягоды сладки,
Как от кружки маджари танцуют живеи,
Как в колхозных садах подставляют рогатки,
Чтоб плоды не ломали обвисших ветвей.

Я узнал, как гудит на дорогах старинных
Дикий ветер, сшибающий с ног без вина,
Сколько требует тюбиков ультрамарина
Эта, словно бездонная, голубизна.

Выжги солнцем ее или ливнями вытравь,
Все равно из тумана проступит вдали
Эта полная света и красок палитра
Изумрудной, багровой и рыжей земли.

В каждом доме меня принимали, как брата.
Я бродил, затерявшись в толпе городской,
И глядел, как, достигнув снегов Арарата,
Гордо высится Ленин с простертой рукой.

Я узнал эту землю при первой же встрече,
Всю, от желтых полей до пунцовых вершин,
Словно только что вынутый прямо из печи
Хорошо обожженный гончарный кувшин.

Я узнал, почему беспокойные люди,
Сколько б ни было верст, испытаний и дней,
На чужбине мечтают о ней, как о чуде,
И, как птицы весной, возвращаются к ней.

СКИТАЛЕЦ

Кем только не был этот человек!
Прошел пешком он города и веси,
Переменив за свой короткий век
Десятка три пристанищ и профессий.

Мальчишеским мечтаньям вопреки,
Судьба сложилась глупо и нелепо.

В Салониках он чистил башмаки
И торговал газетами в Алеппо.

Давно уже на все махнув рукой,
Готовый делать что б ни приказали,
Он, как приговоренный, день-деньской
Носил чужие вещи на вокзале.

Из края в край скитаясь налегке,
Ложась с рассветом и вставая рано,
Играл на скрипке в дымном кабаке,
Тер спины в грязных банях Тегерана.

Сухие ребра уличной скамьи
И полумесяц над турецкой башней...
Ни родины, ни денег, ни семьи.
День завтрашний страшнее, чем
вчерашний.

Скрипели псевдные тормоза...
Как он зимою мерз в одежде летней,
Как он учился опускать глаза
И выглядеть смиренней, незаметней!

Как в сентябре безжалостны дожди,
Как сонный город на рассвете замер..
Как горек хлеб! Как много позади
Ночлежных коек и тюремных камер!..

Туман сошел. Дул с моря синий бриз,
Чуть растерявшись в грохоте и шуме,
Они прошли по сходням сверху вниз.
Я видел их на пристани в Батуми.

Спеша ступить на землю поскорей,
Держась у пароходного каната,
За юбками усталых матерей
Тянулись черноглазые галчата.

Был ранний час, кричали поезда,
Шел летний дождь, прохладой в лица вея.
И в эти дни кончалась навсегда
Бездомного народа Одиссея.

АРМЕНИЯ

Синее небо. Желтые скалы.
Ярко много.
Тусклого мало...
Лед родников и горячие камни.

Как далека ты,
Как ты близка мне!
В вихре столетий
Все здесь смешалось:
Солнце и ветер,
Жесткость и жалость.
В трапезе —
Сладость,
Горечь и соль,
На сердце—
Тяжесть,
Радость и боль...

Льды веками стыли праздно
На промерзших спинах скал...

Он таинственным недаром
Назывался испокон...
О, как много в сердце старом
Бережет секретов он!
Может, снежной метелью
Навсегда он был одет?
Может, на него глядели
Существа других планет?

Может, дальних звезд сигналы
Он ловил?
Но вот беда:
Чтоб понять их,
Не хватало
Самой малости тогда—
Величин, ничтожно малых
Пред величием грозных скал:
Человека не хватало,
Чтоб загадки разгадал!

...В Бюракане ветры дуют,
Камни мечут, снег метут...
Академики колдуют—
Речи с космосом ведут,
С Арагаца, в окруженье
Туч, утесов и орлов,
Наблюдают звезд рожденье
И движение миров...
На вершинах — снег
нетленный
Под лучами звезд горит,—
Это вечность со вселенной
В полный голос говорит!

Л А В А Ш

Стояли утесы оскалясь
И мрачно смотрели нам
вслед.
Далеко за нами остались
И праздник, и песни, и свет.

Теряя последние силы,
Плелись мы в полуночной час,
И небо нам плечи давило,

Хребты надвигались на нас.

И вдруг

от дороги в сторонке

Мы видим—

Не сон, не мираж!

Пред нами обветренный,

тонкий

Во мраке белеет лаваш.

Не где-то в пыли под ногами—

Нет! Добрая чья-то рука

Его положила на камень

У памятника-родника.

Забыли мы голод и жажду

И путь, что так труден и

крут...

О, если бы думал так каждый

О людях, что следом идут!

ИРИНА СНЕГОВА

ЕРЕВАНУ

Как странны наши отношения
С тобой, как давни, Ереван!
В них — напряженье притяженья
Взаимного.

В них расторженья
Провалы.

Резкость и туман.
Как ты бежал ко мне навстречу,
Из-под крыла рванувшись ввысь!..
А провожал — и целый вечер
Огни твои, вясь, как свечи,
В слезах за поездом влеклись.
Металось и дробилось пламя,
И стыли блики на стекле..
Зато какой туман меж нами
Залег в том злобном феврале!
Он весь был копотью наполнен,

Я люблю художников Армении
Праздничные жаркие полотна—
Красный камень, желтокожий персик
И Севан, как подоженный спирт.
Я люблю их. И, уйдя, я долго
Все еще держу перед глазами
Яркость их. И радуюсь ей долго.
Но потом, в Москве, припоминая
Тишину долины Араратской,
Я, сама не знаю отчего,
Вижу не боренье властных красок,
Не тщеславный званый стол природы,
Собранный, чтоб поразить гостей.
Вижу я дорогу к Аштараку,
Рябь серо-коричневого камня,
Древнего, горячего, скупого,
Землю, что растрескалась, как губы,
Жажущие малого глотка.
И от этой блеклости пустынной
Или по какой другой причине
Мне, рожденной меж осин и сосен,
Душно перехватывает горло.

КИЕВСКАЯ УЛИЦА В ЕРЕВАНЕ

Хорошо! В сплошном румянце
встали стены там и тут...
Посмотрите: ереванцы
вдоль по Киевской идут.

Светом праздничным, весенним
эта улица полна.
Звонкой эрой новоселий
открывается она.

Без роскошеств, без кривляний,
высока, стройна, пряма,
говорит мне: «Киевлянин,
заходи в мои дома!»

Широко друг другу душу
неизбежно отворят

те, что строят, а не рушат,
созидают и творят.

Новой улицей армяне
по-особому горды.
Стены крепкие румяней,
чем весенние сады.

Из такого ж точно камня
храмы складывал народ.
Эта улица близка мне
устремленностью вперед.

КРАСКИ САРЬЯНА

Невиданно цветастыми,
неслыханно багряными
в степенных залах выставки
висят холсты Сарьяновы.

Таких цветов неистовых
не знал я от рождения.

Смотреть на краски странные
нельзя без удивления.

Лазурь вот эта — выдумка,
снег на лазури — вымысел.
Немыслимую невидаль
художник людям вывесил!..

Уже далеко выставка,
пред нами горы близкие,
мы едем по Армении
дорогою тбилисскою.

Здесь краски высшей яркости
не знают разбавления.
Мир в эти краски красился
в начале сотворения.

Лазурь вот эта — выдумка,
снег на лазури — вымысел.
Извечный гений творчества
в себе те краски выносил!

**И я узнал доподлинно:
художника умение
не в чинных залах выставки,
а здесь, в горах Армении!**

1958

Ощущаю я гору свою аж до самой зеленой
долины,
ощущаю и глубже, где каменный мой Алагёз
магмой глухо бормочет, надёжно прикручен к
планете

светоносными жилами руд.

Я

оторван от мира?!

К окуляру припал.

Позабыты заботы земные.

Чуть жужжит телескоп

Я—антенна Земли

и душа.

Долетают до звезд, затухая, мои позывные...

А когда отдыхаю

и не смотрят мне в душу миры,

принимаю Москву.

Что ж,

я оторван от мира,

как оторван зимовщик на «Мирном»,

я оторван, как штормом

оторван от мира моряк.

Я—антенна планеты,
чтоб слышала Космос
Земля.

ПЛОЩАДЬ ЛЕНИНА В ЕРЕВАНЕ

Я ее срисовал, как скажем, рошу
срисовал бы поэт-пейзажист.
Очень нравится мне эта площадь!

Первый «Зил», чуть заря, прожужжит,
припадет

к белой линии эллипса
и кружит, будто Спутником сделался;
на орбиту выводятся «Волги»,
в центре—

белой планетою—
голуби...

Встали, будто сошлись познакомиться,
розоватые зданья в кругу.

А на небе застыли два конуса—
Араматы в библейском снегу.

Метеором, без всяческих правил,
через площадь дошкольник летит.
Вот чертенэк!

Мамашу оставил,
чуть не падая, к птицам несется...

И взрывается белая стая.
аплодирует крыльями солнцу,
пролетает над плитами памятника,
жестом ленинским

в небо взмыв..

Вечность мысли
над вечностью камня.
Белых птиц
антиатомный взрыв.

У К Р А И Н С К А Я С С Р

МАКСИМ РЫЛЬСКИЙ

АРМЕНИИ

Сквозь темную веков, как факел под ветрами,
Стремленье к вольности ты гордо пронесла,
В терновом шла венце, струилась кровь с чела,
Но песня вечная не молкла над горами.

Ты видела зарю орлиными очами,
Хоть грудь сжимал удав бесправия и зла.—
И чаянья сбылись! На скалах расцвела
Та роза, что пышней раскроется с годами.

Твой древний Ереван, твои сады, поля
Теперь животворит сиянье звезд Кремля,
Кипит ечастливый труд в долине Арарата.

Цветешь ты, радуясь, в кругу большой семьи,
Возводишь здания чудесные свои,
Прими ж и мой поклон—от друга и от брата.

1954

ЛЕОНИД ПЕРВОМАЙСКИЙ

В П Л Е Н У

Быть может, смутные воспоминанья
всей очевидности наперекор
ведут меня сквозь дни и расстоянья
в страну ветрами выщербленных гор.

Быть может, в этих бедственных отрогах
жила душа забытая моя,
не потому ль теперь меня тревогой
томит теченье горного ручья?

Быть может, полон боли и терпенья,
на склонах, знавших не одну грозу,
с трудом я выворачивал каменья,
пшеницу сеял и растил лозу.

Я из обломков хижину на глине
сложил здесь для себя — убогий кров,
и потекли мои века в долине
на перекрестке огненных ветров.

Чернец и воин, винодел и зодчий,
в боях не раз я кровью истекал,
но подымался, слыша голос отчий,
и храмы иссекал из вечных скал.

Заканчивался труд мой ежедневный,
вздывал светильник я — из тьмы времен
ко мне врывался в келью ропот гневный,
сраженных стоны и оружия звон.

Одна в душе не заживала рана,
другая ныла, грудь мою тесня...
...Не воины могучего Тиграна,
а эти горы взяли в плен меня.

АРМЯНСКОЕ ВИНО

Гегаму Саряну

Что этот голос с высоты безлюдной
в полночный час нашептывает мне?

Всю ночь серебряным осколком блюда
ущербный месяц плавает в окне.

Угасло тихо тополей дыханье,
как фитилек свечи, струится тишь.
Чем для тебя наполнено молчанье,
и почему, усталый, ты не спишь?

Иль темный хмель свиданья и разлуки
гнетет тебя и не дает заснуть?
Иль утомились без работы руки
и снова жадно ты стремишься в путь?

Когда тяжелым заступом ты вспорешь
обветренной земли сухой покров,
вскипающую сдерживая горечь,
под ним увидишь камни ты и кровь.

Так поклонись же первозданной глине—
теперь ты знаешь, почему вино
темнее крови зреет здесь в долине
и крепче боли почему оно.

ПЕЙЗАЖ НА ПОЛОТНЕ

Волы влачатся выжженной долиной,
Взрезая плугом серый пласт земли,
а тополя свою тенью длинной
далекий склон горы пересекли.

Идет за плугом пахарь молчаливый
с тяжелым синим небом на плечах,
и снежный Арарат плывет над нивой,
недостижимый в солнечных лучах.

АРКА В ГОРАХ

Из хаоса, где кровь, а не вода
была среди примет первоначальных,
ты, камнем став, явился вновь сюда
предостеречь своих потомков дальних.

Здесь, сочетая силу и порыв,
извержены из недр при блеске молний,
до горизонта дальнего доплыв,
гороподобные застыли волны.

**И ты с отрога смотришь, полный сил,
туда, в долину, где, поддавшись гневу,
в ожесточенье брата брат убил
за дым, что не хотел подняться к небу.**

**Нет одиночества. Не нужно чуда ждать.
Жизнь впереди, и не грозит забвенье...
... О, неужели нужно отпылать,
чтоб пламень твой дождался воплощенья?**

А Ш Т А Р А К

**Да, тот колхозный бригадир
немало щедрости припас,
на славу он устроил пир
и не жалел вина для нас.**

**Он привечать гостей привык,
смеясь, зажав шампур в ладонь,
переворачивал шашлык,
и сало капало в огонь.**

Свой Аштарак он прославлял
и на холстине лаваша
гостеприимно расстилал
и угощал нас от души.

Жизнь постигая наяву,
его французская жена
расплескивала на траву
остатки красного вина.

И, воплощенье наших снов,
мать, видевшая много бед,
из медленных печальных слов
сплетала повесть давних лет.

И вспомнил я, что Аштарак,
куда пришел я на поклон,
горел и превращался в прах
еще до киевских времен.

Что здесь не временный привал,
что эта гибкая лоза
испытаннее гор и скал,
глядящих вечности в глаза.

Так выпьем, Арма и Геворг,
друзья, сидящие со мной,
за дружбу среди этих гор,
за этот трудный круг земной.

Не раз я в чарке видел дно
и сердцем чувствовал грозу—
пью, бригадир, твое вино
за мир твой, за твою лозу!

ВИКТОР КОЧЕВСКИЙ

ПОЧЕМУ Я ПОЮ АРМЕНИЮ...

В гроздь винограда, в гроздь огоньков,
Разбрызгивают водопады всплеск,
Так входит солнцем в этажи домов
Из глубины ущелья Хндзореск.

Там камень покорился мастерам,
Там горы плугу почву отдают...
Я весь раскрыт летящим с гор ветрам
И потому Армении пою.

Вглядевшись в глубь бездонной высоты,
Стал славным астрономом Алагяз,
Отары звезд далеких золотых
Он издавна здесь с чабанами пас.

Звонящих песен души он вобрал,
Они как тайны вечные снуют,
Я эти звуки сердцем разгадал
И потому Армении пою.

Я вез в гостеприимный дом друзей
Привет от харьковчан и киевлян,
И буквы «ский» фамилии моей
Менялись часто за столом на «скян».

Я по-армянски с ними говорил,
Я из Севана с ними воду пил...
Сердца людей познал я в том краю
И потому Армении пою.

ЯЗЫК ДРУЗЕЙ

П. Г. Тычине

Видел я Севан голубогрудый,
И скалистый видел Зангезур.
Там впервые услышал, как чудо,
Речь армян, простое слово д ж у р*

* *Д ж у р* — вода (арм.).

В братском свете солнечной долины
Я пришел к севанским рыбакам,
Звали они гостя с Украины
Дорогим мне словом *барекáм**.

И когда я в синем небе слышу
«Кру», как говор *к р у н к а*—журавля,
Снятся мне соломенные крыши,
Детство и весенние поля.

Беспокойной музе угождая,
Я, наследник скромный Кобзаря,
Речь друзей армянских постигаю—
В ней орлицы клетот и заря.

Ты освободилась от аркана,
Янычарских сабель и цепей,
На тебе певцов-гусанов раны,
Кровь твоих бойцов-богатырей.

Как побег в струйках родниковых
Обнимают склонов высоту,

* *Барекáм* — друг (арм.).

Так и ты с моей полтавской мовой
Вьешься к свету и звенишь в саду.

Для тебя открыл я двери дома
И столбов не ставлю межевых,
В дом войди и сердцу молодому
Влагу дай источников живых.

А И С Т Ы

На станции Масис, на крыше,
Сложили аисты гнездо,
Да и живут себе в затишье
Под мерный грохот поездов.

И озорник веселоглазый
Сурен — вагонов частый гость—
На крышу к аистам не лазит,
В нем чувство к птицам родилось.

Сурен их охраняет свято,
Живущих мирно наверху,

У них там детки-аисята
С носами длинными, в пуху.

От берегов чужого Нила,
От зелени чужих полей
Влекла их вековая сила
В края Армении своей.

Сидят в гнезде спокойно птицы,
Друзья далеких теплых стран,
На колею глядят... и мнится,
Они с чужбины ждут армян.

ГРУЗИНСКАЯ ССР

АКАКИЙ ЦЕРЕТЕЛИ

Г. СУНДУКЯНУ

Ты — армянин, а я — грузин,
И все же братья мы родные,
И край родной у нас один —
Кавказа выси ледяные.
Кавказа горные черты
Твой дух высокий воспитали,
Кавказа яркие цветы
Страстям твоим окраску дали.
Узор причудливых страстей
Ты вплел в свое творенье щедро.
Бессмертье памяти твоей
Сулят народной жизни недра.

Я с множеством речей солью
Стих пожеланья и привета
И с чувством искренним пошлю
Как младший — старшему поэту.

1910

С ЧИАНУРИ* САЯТ-НОВЫ

Во времена царя Ираклия Саят-Нова шел впереди отряда воннов и игрой на чианури ободрял храбрых защитников родины.

Летописец

I

Спорил, спору, буду спорить, милые друзья:
Лучшей музыкой считаю чианури я.

И в веселье и в печали, в музыку влюбленный,
О, я слушаю с восторгом чианури стоны!

В них как будто слышен отзвук старины седой,—
Наши витязи, картвелы, поднялись на бой,

* *Чианури*—народный струнный инструмент.

И разят врага, и рубят сталью заостренной...
О, я слушаю с восторгом чианури стоны!

II

И тебя я вспоминаю, воин и поэт,
Кем под рокот чианури был герой воспет.
Ведь одним концом ты струны завязал на деке,
А другой конец в народе укрепил навеки.

И народ вложил в аккорды мощный голос свой,
Чтоб сражаться до победы, не слабеть душой!
В сердце жив доньше этот голос отдаленный...
О, я слушаю с восторгом чианури стоны!

1942

5 Солнечный очаг

КАМНИ ГОВОРЯТ

Будто ожил древний миф.
И циклопы скалы рушат,
Разметав их, разгромив,
Все ущелье страхом душат.

Большевистская кирка
Бьется в каменные лавы,
Труд, что проклят был века,
Превратился в дело славы.

Города, что твой Багдад,
Не халифам ныне строят,
Человек свободный рад
Сбросить бремя вековое.

Если друг ты — с нами ты,
Если враг — уйди с дороги,

Для исчадья темноты
Суд готов народа строгий.

Серп и молот на гербе,—
То не зря изображенье,
То с природою в борьбе
Мира нового рожденье.

Точно скалы поднялись,
И, как волны, камни встали,
Слава тем, кто эту высь
И стихию обуздали.

Сам с походом этим рос,
За него болел я сердцем,
И взамен ширазских роз
Стал я камня песнопевцем.

Я сложил на этих склонах
Песнь камней освобожденных!

СИМОН ЧИҚОВАНИ

СЕВАНСКОЕ ОЗЕРО

Не окропив себя водой Севана,
В родимый край вернуться не могу.
Сошел я с перевала утром рано,
И тени гор лежат на берегу.

Снимают скалы тусклую кольчугу,
Туман по склонам движется, скользя.
И мы опять глядим в глаза друг другу
Севан и я,
Как старые друзья.

И мнится мне,
Когда иду, считая
Окрестных гор литые купола,
Что охрой голова моя седая
От зноя покрываться начала.

Двенадцать лет назад
Кольцо Севана

Мне довелось найти меж этих скал,—
Все тот же свет Севана
Неустанно
С тех пор в глазах любимой я искал.

Я ласку волн севанских взял с собою
И обронил мечту на берегу.
И удочку
Над гладью голубою
Увидел, словно тонкую серьгу.

Сегодня вновь к Севану я вернулся
И ощутил, как сердцу он знаком,
Когда на корни прошлого наткнулся,
К Севану вновь приблизившись пешком.

Я вижу — волн бегущих эстафету,
Рыбачьи лодки,
Крылья парусов.
За светом братства
Я иду по свету,
На зов друзей, на дружественный зов.

Опять Севан раскинулся широко,
Косыми парусами осенен.

Армении задумчивое око,—
В себе так много
Отражает он.

Мы грудь
В горах
Отрадой наполняем,
Волну в сердца вселяем, как птенца.
Севан под солнцем
Обернулся маем,
И нет ему ни края, ни конца.

Армяне в ясном отсвете озерном
Внедрением весны увлечены.
Пылает солнце раскаленным горном,
И на форелях
Крапинки луны.

За светом братства
Следую по свету,
Но если сердцем всем не запою
На берегу Севана песню эту,
Как мне вернуться в Грузию мою?

1953

АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ ССР

СУЛЕЙМАН РУСТАМ

ТРИ ДРУГА

Вы три друга—Армения, Грузия, Азербайджан,
Ваши дочери жарки в кругу хороводов,
Ходит счастье по горным дорогам приветливых
стран,
И цветы так похожи в садах трех народов.

Как люблю я беседы и споры за шумным столом
О Шота, о Саят, о Вагифе—горячее слово.
Сладко песни звучат, что на трех языках мы
поем,—
Я их знаю давно и внимаю им снова.

Воспеваю в стихах я Арагви, Зангу и Аракс—
И в душе моей дружбы цветы прорастают,

И гляжу я на реки, которые видел не раз,
И глаза, что не ведают сна, отдыхают.

Как поэт я влюбился в народы Кавказа навек,
Мне ни хлеба, ни неба иного не нужно.

Пульс единый—у этих, давно подружившихся
рек,
В алом знамени —кровью скрепленная дружба.

Побелела моя голова, а усталости нет,
Сердце тронь—и стихами оно отзовется.
Слушай песни мои и не спрашивай, сколько мне
лет,
Эти строки чисты, как луна или солнце.

Есть надежный фундамент у зданья, что строит
народ:
Клятва дружбы—опора крепче алмаза.
О союз трех друзей! Пусть он столько под не-
бом живет,
Сколько лет седоглавым вершинам Кавказа.

НА ДОРОГАХ ЕРЕВАНА

Ереван, привет горячий!
От Баку тебе привет!
Я твой брат и друг! Так здравствуй,
 город песен и труда!
Ты цветешь под ясным небом,
 ты не знаешь прежних бед.
От былых невзгод суровых
 не осталось и следа.

Громко сердце сердцу вторит,
 сердце с сердцем бьется в лад.
Строим новый мир счастливый
 мы под знаменем одним.
Коммунизм нас вдохновляет,
 множит силы во сто крат.
И горжусь я пионерским
 красным галстуком своим.

Ты всегда за стол посадишь
 на почетные места,
Окружаешь ты любовью,
 брат армянский дорогой.

И всегда, с тобой встречаясь,
я волнуюсь неспроста.
Ереван мой, обнажаю
голову перед тобой.

Мы в сражении внезапный
нанесли врагам удар!—
Били мы мусаватистов,
вы дашнакам дали бой.
По полям свободным нашим
не пройдет вражды пожар.
Землю всю преобразили
мы могучею рукой.

Теплый ветер с Арарата
гладит волосы мои,
На душе моей спокойно,—
здесь, как дома, я сейчас.
Ереванец и бакинец—
сыновья одной семьи.
К революции великой
мудрый Ленин вывел нас.

В белых шубах, в снежных шапках
горы встали. Ереван!
Я твой брат и друг твой верный,—
от меня прими привет!
Арагат седобородый,
в голубой волне Севан!
Пусть слова мои услышат:
мой дастан для них пропет.

1928

С Е В А Н

Сколько раз я бродил вдоль твоих берегов
О, Севан!

Я опять в этом братском краю
И дышу теплотою прибрежных песков,
И твою животворную влагу я пью.

Здесь над светлой водой, разжигая костер,
Угощали форелью рыбачки меня.
И дастан мой, вплетаясь в живой разговор,
Над армянской землей поднимался, звеня.

Рассказала мне девушка, что над водой
В милом крае озерном зажгутся огни.
Сердцем слушая голос ее молодой,
Я увидел Севана грядущие дни.

Я запомнил смуглянки приветливый взгляд:
—Приезжайте, товарищ, к нам в гости опять!

И севанские волны, ей вторя, шумят:
«Приходи
Гюмушгэса огни повидать...»

Я сейчас вспоминаю осенние дни:
Как сидел у костра, как бродил по песку,
И армянской земли золотые огни,
И Севана струю вижу я из Баку.

В САДАХ АРМЕНИИ

Как радостен зари восход
В садах колхозных вешних!
Отягощает ветку плод.
Рукою смуглой садовод
Проводит по черешням.

Сверкает светлый виноград,
Весь в серебристых росах...
Покрылея бронзою гранат,
И вишни, как рубин, горят.
Янтарны абрикосы.

И персики в листве с утра
Уже розовощеки.
Деревьев старая кора
В извилинах глубоких.
Земля армянская щедра,
Неистошimmy соки.

На травах ног босых следы,
Мелькают руки ловко.
То девушки пришли в сады,
Чтобы послать друзьям плоды—
На Волгу и в Каховку.

КАЗАХСКАЯ ССР

СЫРБАЙ МАУЛЕНОВ

СТРАНА ВЕЛИКИХ ГОР

Армения! Страна великих гор.
Армения! Страна гортанных рек,
Древнейшая, как первый человек,
И юная, как наш двадцатый век.
Там каменные глыбы вдоль дорог,
Крутой спиралью ввинченных дорог,
Как силуэты предков, как мечта
Армянских зодчих, сгусток их тревог.
А может быть, застывшая слеза
Горячая истории самой?
А может быть, остывшая гроза,
Настигнутая каменной судьбой?
Иль это жизни долгий караван?
Иль кружево осенних облаков?
Упало в горы озеро Севан—
Осколок неба льдян и бирюзов,

Его, как сыны, горы сторожат,
А ветер колыбельную поет.
Севану снится дальний Арарат
За веком век, за годом долгий год...
И сотни лет тоскует потому
Армянских сазов медленный напев,
И журавлями тянутся к нему
Мелодии армянских юных дев.
Армения, ты знала многих гроз,
Ты многих бедствий знала и утрат.
Наверно, от твоих горчайших слез
И поседел могучий Арарат.
Но в древней, вечно юной красоте
Встал Ереван под небом золотым—
И забывает о любой беде,
Сюда приехав, каждый армянин.

МОЛДАВСКАЯ ССР

ЮРИЙ БАРЖАНСКИЙ

В СЕЛЬХОЗВЫСТАВКЕ ПРИЧИНА...

В сельхозвыставке причина,
В самом стройном из армян,
Что меняет Валентина
Днестр на озеро Севан.

Проходя по павильонам,
Повстречались жарким днем
Возле мраморной колонны
С агрономом агроном.

Отдохнули, походили
И в мичуринских местах
О садах поговорили,
О деревьях и плодах.

А потом, уж на закате,
Встретились они опять

И решили по Арбату
На прощанье погулять.

Говорила Валентина,
Слушал жадно Ованес
Про днестровские долины,
Про густой молдавский лес.

А потом она с волнением
Парня слушала рассказ
Про Армении цветенье
И про сказочный Кавказ.

В этот вечер, летний, знойный
Был свидетелем Арбат,
Как звучали наша дойна
С песней Ованеса в лад.

За армянскими словами
Речь звучала молдаван,
Говорили их устами
Эминеску, Туманян...

А потом они в Молдове
Получили письмецо.

**В каждой строчке, в каждом слове
Видит смуглое лицо.**

**Что ни день— он пишет ей:
«Приезжай, джан, поскорей!»**

**Вот в днестровскую долину
К нам примчался молодец,
Счастлив парень: Валентину
Он увозит наконец.**

**Уезжает из Молдовы,
Покидает Валя нас....
— Будь счастливой в жизни новой!
— Добрый путь вам! В добрый час!**

**А в Армении, как дома,
Зреет сладкий виноград,
И в Наири агроному
Будет люд колхозный рад.**

**И в какой бы край Отчизны
Ни ступил бы ты ногой,—
Всюду ты хозяин жизни,
Всюду ты в стране родной.**

ДАГЕСТАНСКАЯ АССР

РАСУЛ ГАМЗАТОВ

Пойдем к Севану в ранний час зари
И постоим, словам стихии внемля:
«О как земля прекрасна—посмотри,
Люби ее—сухую эту землю!..»

К Севану подойдем в вечерний час
И постоим у волн, их зову внемля:
«Взгляни, как хороша земля сейчас!
Люби ее—свою родную землю!..»

Когда бы мы к нему ни подошли,
Горит огнем вода его живая,
На солнечный простор родной земли
Своих сынов далеких созывая.

ПАМЯТНИКИ-РОДНИКИ

Сверкают родники
На берегу Зангу,
Слышны их голоса
Полднвною порою.
Прозрачная вода
Мне шепчет на бегу:
«Не умирают никогда герои!»

И если в Ереван
Приедешь ты, мой друг,
Пойди к тем родникам,
Где так любил стоять я,—
Услышишь шум воды
И ты согласишь вдруг,
Что ожили они—
Твои родные братья.

Армения моя!
Не в белизне перин—
В седых снегах полей
Сыны твои почили,
Среди лесов глухих,

Среди степных развалин
Горячие сердца
Вдали от гор застыли...

Склонясь в тоске
Над их могилою святой,
Я плакал у Днепра,
Где пел им славу ветер,
В Болгарии цветок
Над светлой их плитой
В далеком Пловдиве
Я видел летом этим.

Скажи, Армения!
Найдется ли земля,
В чьих недрах бы сынов твоих
Не хоронили?
Найдется ли река,
Кропящая поля,
Куда бы кровь свою
Сыны твои не лили?!

И знаю я:
Мечта томила их в бою—

Испить родной воды,
Живой, неповторимой,
И в свой последний час
Они в чужом краю
Мечтали о своей Армении родимой.

Сверкают родники,
Как свет дневной, чисты,
И в мире нет воды
Их капель драгоценней...
И если в Ереван,
Мой друг, приедешь ты—
Пойди к тем родникам
И преклони колени.

Прислушайся к воде
Бессмертных родников,
О подвигах она
Поет ночной порою..
...И коль земли своей
Услышишь ратный зов,—
Ты сердце ей отдашь,
Как воины-герои.

КАБАРДИНО-БАЛКАРСКАЯ АССР

КАЙСЫН КУЛИЕВ

Был снег пушистым, словно кролик,
В Москве холодный был февраль.
Вдруг ты запела: «Лорик, лорик...*»—
И в этот миг исчезла вдаль.

И я услышал плеск Севана,
И Арарат передо мной
Возник за дымкою тумана
В снегу под желтою луной.

И запах трав был стар и горек,
И опьянял он, как вино.

* *Лорик* — перепелка (арм.).

Ты нежно пела: «Лорик, лорик...—
И стыло в елочках окно.

Я видел тучи край лиловый,
Дороги мокрую спираль,
Я видел праздник вечно новый
И вечно старую печаль.

Засыпан снегом горский дворик,
А звезды трепетнее свеч.
И словно слышу: «Лорик, лорик...»—
И годы сбрасываю с плеч.

БОЛГАРИЯ

НИКОЛАЙ МАРАГОЗОВ

Яворов песню спел,
И я тебя запомнил,
Волшебный горный край,
Армянская страна.
И чаяний твоих,
И мук твоих огромных
Теперь моя душа
Далекая полна.
Один тиран и враг
С тобой у нас был прежде.
Одни томили нас
И муки, и мечты.
Великий Туманян
Печально пел надежду,
И Ботев пел о ней
Средь общей немоты.
Но сгинул лютый враг,
Как тучи с небосвода.

**Октябрь возвестил
Начало всех начал.
Теперь мы говорим
На языке свободы,
И праведный рассвет
Свободу увенчал.**

ПОЛЬША

ИГОРЬ СИКИРИЦКИЙ

ПРИВЕТ ТЕБЕ, АРМЕНИЯ!

Я привечаю низким поклоном
Древность и высь твою, Арарат.
Белым библейским, заснеженным склонам
Я поклониться четырежды рад.
Низкий поклон твоим рекам гремящим,
Низкий поклон твоим водам, Севан,
В каменной чаше влагу хранящий,
Низкий поклон и добро мое вам,
Струи дождя и весенние ливни,
Всходы зеленые, гибкость лозы,
Блики на листьях и маки счастливые,
И небеса из тонов бирюзы.
Низкий поклон твоим людям упорным,
Аркам и сводам, и взлету колонн,
Трудной судьбе твоей,
Тропам неторным,
Всем землям армянским—низкий поклон!

СТОЛИЦА

Я поэт. Из далеких краев
Я пришел в этот полдень горячий.
Надо мной светозарный твой кров,
Город, радостью света пьянящий.
Ты мне кажешься красным цветком,
И огнем в голубом поднебесьи,
Над тобой журавли косяком,—
Журавлиные крылья и песни.
В розах ало-багряных чело,
Серебром блещут струи фонтана,
И оттенком рассвета стекло
Солнце гор на фату Еревана.
Ереван—ты улыбка и взгляд
Смуглоликих красавиц армянских,
И разлет их бровей, и наряд,
И соблазн их медлительной пляски.
Ты надежное сердце друзей,
Верных рук ты приветствие доброе,
И легенда лозы и камней,
И плывущее небо бездонное...

ЮГОСЛАВИЯ

ДЕСАНКА МАКСИМОВИЧ

Е Р Е В А Н

Жил один одержимый зодчий,
Что, подобно великому богу,
Сотворившему мир в семидневье,
За один только день,
За одну только ночь
Сотворил удивительный город
И спустил его с неба на землю—
Завершенный, задумчивый город.
И отныне дома его схожи:
В них таится одна одержимость,
И одни вдохновенные пальцы
Этот город любили,
Лепили...

Ни один иноземный мастер
Не отвлек творца-армянина,

И склонить его к подражанию
Не смогли старина и новь.
Своеправно и своевольно
В русле вен своих,
В зное крови
Он месил небесную глину,
Чтобы дать Еревану плоть.
Да не сгинет в нас наважденье,
Что один превеликий камень
Обрядил этот город собою—
Камень тесаный, розовый, светлый...
А рука творца-армянина
Рассекла с одержимостью прежней
Опаленные солнцем скалы,
Извлекая родник из тьмы.
И серебряно, и смешливо
Заиграл вардавар* с детьми.
И на всех углах-перекрестках
Полноправно жива вода.
Огонек в каждой капле влаги.
Огоньки венчают прохладой

* *Вардавар*—языческий армянский праздник.

Этот с неба спущенный город.
А лишь явится ночь сюда,
Россыпь новых огней золотится,
Этот город венчая собою.
Словно светлый звон
И звезда,
Он смеется, молчит и струится,
И плывет за свою судьбою...

М О Н Г О Л И Я

М. ЦЕДЕНДОРЖ

ОБ АРМЯНСКОЙ ЗЕМЛЕ

Перелетною птицей
Прилетел я сюда,
Где земля золотится,
Хоть, как время, седа.

Зазимую тут лебедем—
Дам крылам отдохнуть.
Позовет меня лето,
Отогретого, в путь.

Поднимусь я печально:
Там и есть мой исток,
Где лежит изначально
Желтоликий восток,
Где любимую самую
Буду встречен землей...

Только что же крыла мои
Так томятся зимой?

ШТЕФАН АНДРЕС

АРАРАТ

«На волнах моих белых и черных овец...»—
Начал речь Урубак, пред которым во сне я
Среди пастбища встал... Кто нарек его так?
Как он сед! Сам седой Арарат не седеет.

«На волнах моих белых и черных овец,—
Без вступленья сказал Урубак и привета,—
Вокруг этой горы моя жизнь и мой шаг,
Нету жизни иной, отступления нету.

На волнах моих белых и черных овец
Я ушел из пристанища в детстве когда-то.
Мать на милость круженью меня отдала,
Чтоб за жизнь обошел я вокруг Арарата.

На волнах моих белых и черных овец
Луг и выгон сменял новый луг, новый выгон.
Жечь костры не желал яна прежних местах,
Но всегда и везде Арарат мне был виден.

На волнах моих белых и черных овец
Шерсть менялась, и не было с временем сладу.
И мальчишкой, и отроком пас я стада,
Но вокруг той горы гнал одно только стадо.

На волнах моих белых и черных овец
Я к пристанищу первому шел, как к надежде.
Я свой круг завершил, жгу последний кастер.
Арарат в середине стоит, как и прежде».

«На волнах моих белых и черных овец...»
Урубак? Или я? Рядом очи овечьи.
Я проснулся, с заблудшей душой говоря
На таком одиноком пастушьем наречьи.

На волнах своих белых и черных овец
Ты плыви, мое сердце, сквозь сон и преграду.
Пусть пристанище дважды костром не согреть --
Все равно: в середине стоять Арарату.

М Е К С И К А

ЭФРАИМ УЭРТА

ДЕРЕВЬЯ

Расцветшие деревья Еревана...
Они приблизились, нас понимая.
И золото торжественного мая
В торжественных деревьях Еревана.

Расцветшие деревья Еревана...
И воздух золотой, и тротуары,
И красок первозданные пожары
Гимн миру возглашают неустанно.

Уверенные светлые деревья...
Высокое и праздничное небо
И золото смеющегося хлеба
Гимн возглашают братству и доверью.

Деревья, удивившиеся немо...
О, дерево—малыш золотоголовый
С затейливой прекрасною забавой,
Мяч-солнышко подкинувший на небо!

Деревья в золотом горячем блеске...
Хлеб старины и золото столетий,
И накопль слез без слов тебе ответят,
В чем скорбь и горе той горы
библейской.

Расцветшие деревья Еревана...
Они приблизились, нас понимая.
И золото торжественного мая
В торжественных деревьях Еревана.

Бессонные деревья Еревана..
И воздух золотой, и тротуары,
И красок первозданные пожары
Гимн миру возглашают неустанно.

КАНАДА

ГАРОЛЬД ГРИФФИН

АРМЕНИЯ— СТРАНА КАМНЕЙ ПОЮЩИХ

Давний сказ старины
в эхе сумрачных скал,
в эхе мудрых камней,
бывших верными в горе...
Мужики лили слезы,
и каждый искал
пядь надежды
в седеющей этой опоре.
Мужики лили слезы.
Любовь их была
к этой темной земле
родниково прозрачна.
А струя в роднике

колотилась, жила—
и стара, и сладка,
и, как мир, новобрачна.
Скалы были немые.
Стыло в шрамах чело.
Распахнули глаза—
а вокруг рассвело.

Новизной в старине
мы себя узнаем,
старинной в новизне
мы себя объясняем.
Городов излучение—
песня с огнем.
И лежит горный край,
песней той омываем.
Серп и молот звучат.
И симфония вод
оглашает простор.
И дыханье живое
камень вновь обретает—
поет и живет.
Увезу я ту песню
на север с собою.

И мотив Арарата
пребудет со мной.
И о долгой разлуке
мне думать не надо.
Он согреет меня
нашей стылой зимой
среди обветренных гор
моей милой Канады.

И Н Д И Я

СИНГ САФИР

ЕРЕВАНСКАЯ ВОДА

Выпьешь дома воды—
нет родней и вкусней...
Все же есть—
не родней, так вкусней.
Только долго вот ехать за ней.
Та вода холодна и чиста.
Та вода—поцелуи в уста.

Я не странник,
о, нет.
Я всего лишь поэт.
Я поэтом поеду по свету,
бедуином пустыню проеду
и оазис найду—
мне известно, он где,—

и губами прильну
я к армянской воде.

Та вода—
как мечта.

Разве есть ей чета?

Говорят, что все-таки где-то
есть такая на краешке света.

Ты испей—
осчастливит тебя навсегда
ереванская влага,
живая вода.

То—вода?

Нет, надежды народной родник.

Я пытливой душой
к речи камня приник.

Увезу на губах
я хоть каплю воды
далеко-далеко,
где иные хребты.

Увезу на губах—
ее жаждут и ждут
все армяне,
что в дальнем Бомбее живут.

Я П О Н И Я

ХИРОСИ КИМУРА

В АРМЕНИИ

В Японии жил Вардан—армянин
единственный, может, во всей Япоии.
Говорил на чужом языке, и один
он был средь чужих, но его мы поняли.

Он говорил, что Шарль—армянин.
И Сароян.. «Мы малы количеством,
но на всем Шаре себя сохраним,
распознаем, продолжим и вычислим».

Удалось побывать в Армении мне—
гостем ее стал вскоре я..
Люди, как горы, в гордой стране,
в горной стране, что старше истории.

Все армянское тут—и великий Сарьян,
и орлы на Звартноце древние.
И малыш златолицый глядит, осиян
неуемным солнцем Армении.

Армянином зовет себя стар и мал,
кто богат кружевами орнаментов,
голосами, цветами и мужеством скал,
и нетленностью мудрых пергаментов.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Р С Ф С Р

<i>В. Брюсов.</i> К армянам	3
<i>Н. Тихонов.</i> Армения	7
<i>А. Гатов.</i> К друзьям	9
<i>В. Рождественский.</i> Съезд сельсоветов в горной Армении	12
<i>В. Звягинцева.</i> Мой Айастан	15
Звартноц	17
Россия и Армения	18
<i>А. Гитович.</i> Живопись	20
Хачатур Абовян	20
У памятника Чаренцу	21
Армения, бессмертен твой на- род	21
С балкона-сверху-было вид- но мне	22
<i>Б. Слуцкий.</i> Это — Армения	23
Холсты Акопа Коджояна	24
<i>М. Матусовский.</i> Август	27
Скиталец	28

<i>Е. Николаевская.</i> Армения	31
Арагац в венце алмазном	33
Лаваш	35
<i>И. Снегова.</i> Еревану	37
Я люблю художников Армении	39
<i>Л. Вышеславский.</i> Киевская улица в Ереване	40
Краски Сарьяна	41
<i>Н. Тарасенко.</i> Астрофизик	44
Площадь Ленина в Ереване	46

У к р а и н с к а я С С Р

<i>М. Рыльский.</i> Армении—пер. В. Звягинцева	48
<i>Л. Первомайский.</i> В плену—пер. В. Звягинцева	50
Армянское вино—пер. В. Звягинцева	51
Пейзаж на полотне—пер. В. Звягинцева	53
Арка в горах—пер. В. Звягинцева	53

Аштарак—пер. В. Звягинцева	54
<i>В. Кочевский.</i> Почему я пою Армению—пер. Ю. Саенко	57
Язык друзей—пер. Ю. Саенко	58
Аисты—пер. Ю. Саенко	60

Г р у з и н с к а я С С Р

<i>А. Церетели.</i> Г. Сундукяну—пер. П. Антокольский	62
<i>И. Гришашвили.</i> С чианури Саят-Новы—пер. В. Цвелев	64
<i>Т. Табидзе.</i> Камни говорят—пер. Н. Тихонов	66
<i>С. Чиковани.</i> Севанское озеро—пер. А. Межиров	68

А з е р б а й д ж а н с к а я С С Р

<i>С. Рустам.</i> Три друга—пер. П. Полухин	71
На дорогах Еревана—пер. А. Кафанов	73

<i>М. Рагим.</i> Севан—пер. А. Плавник .	76
В садах Армении—пер. А.	
Плавник	77

К а з а х с к а я С С Р

<i>С. Мауленов.</i> Страна великих гор—пер.	
Р. Тамарина	79

М о л д а в с к а я С С Р

<i>Ю. Баржанский.</i> В сельхозвыставке при-	
чина—пер. Г. Чолак	81

Д а г е с т а н с к а я А С С Р

<i>Р. Гамзатов.</i> Пойдем к Севану—пер. И.	
Снегова	84
Памятники-родники—пер. Е.	
Николаевская и И.	
Снегова	85

К а б а р д и н о - б а л к а р с к а я А С С Р

<i>К. Кулиев.</i> Был снег пушистым—пер. Я.	
Козловский	88

Болгария

- Н. Марагозов.* Яворов песню спел—пер. А.
Тер-Акопян 90

Польша

- И. Сикирицкий.* Привет тебе, Армения—
пер. С. Вермишева 92
Столица—пер. С. Верми-
шева 93

Югославия

- Д. Максимович.* Ереван—пер. А. Тер-
Акопян 94

Монголия

- М. Цедендорж.* Об армянской земле—пер.
А. Тер-Акопян 97

Ф Р Г

- Ш. Андрес.* Арарат—пер. А. Тер-Ако-
пян 98

Мексика

Э. Уэрта. Деревья—пер. А. Тер-Акопян 100

Канада

Г. Гриффин. Армения—страна камней поющих—пер. А. Тер-Акопян 102

Индия

С. Сафир. Ереванская вода—пер. А. Тер-Акопян 105

Япония

Х. Кимура. В Армении—пер. А. Тер-Акопян 107

Солнечный очаг

Стихи об Армении

Художник **А. И. Яралян**
Худ. редактор **Ан. В. Гаспарян**
Техн. редактор **В. М. Еганян**
Корректор **Р. Т. Мальцева**

Заказ 3108

Тираж 5000

Сдано в набор 4/XI 1970 г. Подписано к печати
15/XI 1970 г. Бумага № 1 84×108¹/₆₄ печ. 3,5 л.
2, 94 усл. печ. л., уч.—изд. 2,5 л. Цена 65 к.

Издательство «Айастан», Ереван—9, Терян 91.

6-ая типография Главполиграфпрома
Госкомитета по печати Совета Министров
Арм. ССР, Ереван, ул. Туманяна № 23/1.

